

бы внуки ходили в противогазах, но уничтожаем леса на планете. Поддерживаем тезис: только потребление развивает экономику. Значит, тупик? И кто будет искать выход из него?

Технологи? Инженеры? Естественники? Математики? Физики? Подозреваю, что гуманитарии. Вот цена вопроса по большому счету!

Можно отказаться от каких-то благ технического прогресса? Совершенно спокойно. И этих «лишений» просто не заметишь. Можно менять телефон не раз в два года, а раз в три? Наши компьютеры по своим возможностям сейчас готовы служить нам до конца жизни, но каждый год появляется новая операционная система, нам диктуют: купи новый!

Стараемся сделать свою жизнь более привлекательной, постоянно повышая материальную составляющую.

– Между тем в благополучной Швеции, как утверждает статистика, один из самых высоких показателей случаев суицида...

– До конца ли мы, люди, себя познали? Вопрос явно риторический. Даже в функционировании нашего организма много белых пятен, насколько я могу об этом судить. А что касается нашего мозга, так это вообще сплошное белое пятно. Не случайно сейчас такой всплеск интереса к физиологии мышления, нейрофизиологии. Это попытка понять, что же мы такое есть? Мы видим внешние проявления этого функционирования: один человек жадный, другой щедрый, один добрый, другой злой, один замкнутый, другой открытый и так далее. Мне кажется, сейчас мы забыли про то, что любое качество человека – доброе ли, дурное – воспитуемо. Мы не всегда правильно оцениваем значение воспитания, несмотря на методики, которые сами создаем, защи-

щенные диссертации, написанные книги, разумные и правильные. Но это малая крупица знания, за которой скрывается бездна непознанного: пойми, чего ты хочешь в этой жизни. А как свести эти частные желания и выявить общественные интересы? Как состыковать общественные и государственные интересы, которые подчас противоречат друг другу? Ответы на все эти вопросы ищут гуманитарии. Существует ли связь между состоянием экономики, промышленности, экологии, с одной стороны, и теми качествами человека, которые можно и нужно у него воспитывать? Для педагога это вопрос риторический. Но, когда я захожу об этом речь с кем-то, кто не входит в профессиональное педагогическое сообщество, вижу, что для моего собеседника это не всегда очевидные вещи, и он с неким удивлением открывает для себя какой-то неожиданный ракурс проблемы.

– Вы убеждены, что происходит сознательное оттеснение гуманитарных наук на второй план?

– Недооценку гуманитарных наук можно наблюдать в совершенно конкретных ситуациях, причем, повторю, не только в России, но и в Европе.

– Каких?

– Уменьшение количества подготовки специалистов по отдельным гуманитарным направлениям. Это явно заказ государства. А не те ли же тенденции мы видим в изменении школьных программ, когда гуманитарные науки становятся не самыми главными, не самыми важными, их, оказывается, можно объединять: русский язык и литературу? Когда я вижу административное ущемление гуманитарных наук, задаю себе вопрос: почему? Это недопонимание их значимости? Допускаю.

Безусловно, сегодня для России очень важна инженерная, техническая мысль. Но почему нужно одно направление развивать за счет другого, что мешает делать это параллельно? Поэтому, когда государство формирует вот такое отношение к гуманитарным знаниям, у меня и возникает желание защитить,

доказать, что все совсем не так должно в нормальном обществе происходить.

– И вот сегодня в конкретном университете – Курском государственном – гуманитарии получают новый современный корпус, который позволит работать на более высоком уровне, готовить специалистов, способных оказывать влияние на ситуацию?

– Нам бы сохранить гуманитариев, чтобы они как класс не вымерли. Сохранить уникальных специалистов в области гуманитарных дисциплин, научные школы сберечь, поддержать, переломить общественное мнение, показать обществу, что мы не нахлебники, не вишенка на торте. Вот если бы это удалось сделать в конкретном городе Курске, в нашем университете, можно было бы сказать, что не напрасно мы жили на этом свете.

– Вы говорили о недооценке гуманитарных знаний обществом. А сказывается ли эта тенденция на количестве абитуриентов, выбирающих соответствующие факультеты КГУ?

– Поскольку мы все же преимущественно гуманитарный вуз (хотя, как уже говорилось выше, сейчас активно развиваем точные и естественные направления), правомерно говорить об интересе к вузу в целом. К счастью, он не снижается. Количество заявлений на гуманитарные факультеты год от года растет, пусть не лавинообразно.

– Даже на фоне демографического кризиса?

– Хотя общее количество оканчивающих школу уменьшается, влияние этого процесса на потоке поступающих к нам не ощущается. Количество поданных документов растет, и это дает мне право говорить: спада интереса к гуманитарным специальностям тоже не произошло. Да, есть группа специальностей несколько проблемная, в частности, педагогическая. Но мы-то понимаем, что это связано не со снижением к ней интереса, а с материальным положением учителя. Сейчас в области предпринимаются усилия для того, чтобы переломить ситуацию, и мы видим их результат: наши выпускники охотнее идут в школу.

– Кстати о школе. Сейчас идет очень острая дискуссия по поводу реформ, в ней затеянных. Возникло даже общественное движение «Общероссийское родительское собрание», протестующее

Исторический кадр. Закладка нового корпуса КГУ